

МИМОХОДОМЪ.

Предъ нами два отчета о двухъ скромныхъ, но очень полезныхъ учрежденіяхъ, функционирующихъ въ нашемъ городѣ.

Одинъ отчетъ—о дѣятельности нижегородской городской Пушкинской народной читальни, а другой—о дѣятельности комиссіи народныхъ чтеній при чайной „Столбы“.

Оба учрежденія функционируютъ на Нижнемъ базарѣ, гдѣ живетъ рабочій людъ и бѣдность, иногда опустившаяся на самое „дно“—босляки, къ которымъ до сихъ поръ цивилизація спускалась лишь въ формѣ водочныхъ излѣлій.

И вотъ въ эту среду пробрались книги, пробрались мысли, родившіяся на вершинахъ цивилизаціи, хотя и урѣзанные значительно для чернаго народа, чтобы свѣтъ не былъ слишкомъ ярокъ во тьмѣ, а то... глаза заболѣть могутъ.

Среди сѣрой, тяжелой жизни бѣдняковъ засіяли свѣтлые образы, ведущіе людей къ совершенству, казалось бы совсѣмъ не соответствующіе той обстановкѣ, въ какую они попали, но тѣмъ болѣе привлекательные.

Книги въ этой средѣ—это тотъ-же Лука М. Горькаго, находящій въ своемъ сердцѣ доброе слово для cadaго человѣка, задавленнаго жизнью, рождающій въ немъ стремленія и мечты, отъ которыхъ онъ было совсѣмъ уже отвыкъ.

Вотъ, напр., чудакъ Донъ-Кихоть, котораго мы всѣ знаемъ съ дѣтства, съ его благородной любовью къ воображаемой Дульцинеѣ, съ его негодованіемъ на зло и неправду, съ его самоотверженной борьбою... съ вѣтрыными мельницами, при чемъ и поверженный ими во прахъ, онъ не унываетъ, но встаетъ, чтобы снова бороться.

Этотъ „рыцарь печальнаго образа“, рожденный въ другой странѣ, подъ другимъ солнцемъ, зачатый въ великомъ сердцѣ бѣдняги Сервантеса, сталъ знакомъ и бѣднякамъ Нижняго базара, которые говорятъ:

— Вотъ человѣкъ, надъ которымъ можно смѣяться и плакать!

А ужъ это много, когда человѣкъ можетъ смѣяться и плакать—значить, растворилось его сердце, какъ оттаиваетъ весною земля, согреваемая солнцемъ. И этимъ солнцемъ явилась книга.

Книги—не шутка, укажутъ они

Все недостойное, дикое, злое...

И хотя поэтъ прибавляетъ: „но не дадутъ онѣ силъ на благое“, но это не совсѣмъ вѣрно. Если книга измѣняетъ человѣка внутри, то это не можетъ не обнаружиться и извнѣ. Правда, иной подыметъ душою, мыслью надъ своимъ „дномъ“, а силъ нѣтъ оторваться отъ него,—и это, конечно, исторія трагическая, какую, напр., переживаетъ въ драмѣ М. Горькаго „артистъ“, разбуженный Лукою.

Да, это вещь трагическая; но развѣ лучше, чтобы человѣкъ лежалъ пластомъ „на днѣ“ и даже мыслью никогда не могъ оторваться отъ него?

А иной вѣдь, пожалуй, не только мыслью оторвется, но и дѣломъ, когда расширится его умъ, растаетъ сердце, когда душа его станетъ стремиться къ иной атмосферѣ, чѣмъ атмосфера ночлежки. Вѣдь вотъ Пепель въ той же драмѣ М. Горькаго могъ бы подняться, хотя, конечно, не легко преодолѣть все, что удерживало его „на днѣ“.

Но вѣдь читателями въ Пушкинской читальнѣ являются не только люди, опустившіеся на дно, но и люди изъ деревень, пришедшіе въ городъ, которымъ особенно нужна здѣсь поддержка, потому что они сталкиваются здѣсь съ изнанкой цивилизаціи, и нѣтъ никого, кто бы указалъ имъ истинный путь „отъ убогихъ хатъ“. Этотъ путь можетъ указать имъ книга.

И вліяніе ея трудно измѣрить, трудно указать границы ея, потому что люди то доброе, что родила въ нихъ книга, несутъ въ свои „убогія хаты“, другимъ бѣднякамъ, не читавшимъ книгъ, но которые получаютъ уже отъ другихъ то доброе, что дала послѣднимъ книга.

Не такъ давно даже очень почтенные люди, въ періодъ увлеченія народными идеалами, мучились сомнѣніями, должно ли культурное общество „портить“ народную душу, пересоздавая ее по своему образцу. Это было недоразумѣніе,

и это говорить теперь только *Моск. Вѣд.*, у которыхъ, конечно, умыселъ совсѣмъ другой.

Нельзя будто бы давать народу то лучшее, что дала наша цивилизація, чѣмъ мы живы, и это въ то время, когда на народъ могуче дѣйствуетъ изнанка цивилизаціи, съ которой онъ прежде всего встрѣчается! Это, значить, оставлять народу ядъ, удаливъ противоядіе.

Пушкинская читальня выполняла свое культурное назначеніе, привлекая въ день среднимъ числомъ около 125 чел., преимущественно черно-рабочихъ. И при этомъ обнаруживается, что вкусы „простыхъ“ читателей такіе же, какъ и вкусы читателей всякихъ библиотекъ. И это не удивительно, потому что „всѣ люди, всѣ чело-вѣки“.

Больше всего и въ Пушкинской библиотекѣ читаются газеты (67,8 проц.) и журналы (12,5), потому что интересно людямъ знать, что дѣлается теперь на широкомъ свѣтѣ. Затѣмъ беллетристика (10,4), этнографія и путешествія (2,5), исторія и біографія (2,4), естествознаніе и сельск. хозяйство (1,4), духовнаго содержанія (1 пр) и т. д. оц.

Чрезвычайно интересны народныя чтенія при чайной „Столбы“, на которыхъ читались драматическія пьесы—разными лицами отдѣльныя роли. Выходило въ родѣ драматическаго представленія, и чтеніе это въ высшей степени интересовало слушателей, собиравшихся въ количествѣ до 500 чел. Оказалось вполне понятной и интересной для аудиторіи даже „Горе отъ ума“ Грибоедова, потому что люди вездѣ люди. и всюду есть и Фамусовы, и Чацкіе.

Казалось бы, дѣло это хорошее, заслуживающее лишь сочувствія и самаго широкаго развитія. Къ сожалѣнію, встрѣчаются нѣкоторыя препятствія въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ведется дѣло. Какъ извѣстно, каталогъ и для народныхъ читаленъ, и для народныхъ чтеній очень ограниченный и расширяется онъ медленно.

Многіе, напр., спрашиваютъ „Воскресенье“ Л. Н. Толстого, которое, кажется, особенно было бы полезно, для читателей Нижняго базара, какъ исторія возрожденія унавшей души, показывающая, что нѣтъ той глубины паденія, изъ которой нельзя было бы подняться. Вѣроятно, имѣется въ виду, что не слѣдуетъ показывать „народу“ изнанку жизни, хотя съ нею то именно онъ и знакомъ прекрасно.

Въ чайной „Столбы“ оказалось невозможно прочесть „Грозу“ и „Лѣсъ“ Островскаго, которыхъ нѣтъ въ каталогѣ министерства народнаго просвѣщенія. И чтобы расширить границы чтеній, пришлось перейти отъ „народныхъ чтеній“ къ бесплатнымъ „литературнымъ утрам“. Названіе иногда много значить.

Каковы бы ни были рамки, дѣло ведется энергично и хорошо, и сѣмена, бросаема и въ Пушкинской читальнѣ, и на чтеніяхъ въ „Столбахъ“, падаютъ не на каменистую почву, но проростають и дадутъ плодъ.

—Да, к нечно,—говорится въ отчетѣ чайной „Столбы“,—не хлѣбъ насущный несетъ лекторъ въ свою аудиторію, но хлѣбъ, который онъ несетъ въ эту аудиторію, послѣдняя не можетъ купить за деньги. Этотъ дорогой хлѣбъ нельзя и продать,—на коротко ли, на долго ли, онъ—неотъемлемая принадлежность души аудиторіи.

И только ли одной аудиторіи? Вѣдь хлѣбъ духовный имѣетъ но свойство, что онъ не съѣдается и не пропадаетъ безъ остатка, но чѣмъ больше его ѣдятъ, тѣмъ его дѣлается все больше.